

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

И. Р. ГРИГУЛЕВИЧ

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ И ПРОСВЕЩЕНИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Страны Латинской Америки, испытывающие на себе гнет американских монополий и находящиеся в большинстве случаев во власти архиреакционных генералов и политиков — «горилл», действующих по указке Вашингтона, переживают глубокий кризис в области культуры и образования. Этот кризис особенно разителен по сравнению с огромными успехами в культурном строительстве революционной Кубы.

В данной статье анализируются причины и возможные последствия этого кризиса.

* * *

Испанский колониальный режим означал великое бедствие для коренных жителей Америки. Индейцы во многих местах, в частности на Кубе, были истреблены в период конкисты или в результате бесчеловечной эксплуатации европейских завоевателей. Культура местного населения была почти полностью уничтожена. Не довольствуясь порабощением индейцев, колонизаторы стали ввозить в свои заморские владения африканцев-рабов. Духовная жизнь последних вовсе не интересовала колонизаторов, никаких школ для рабов не существовало и в помине. На Кубе в XIX в. не было школ и для индейцев из Юкатана и китайских кули, которых начали ввозить на остров после запрета торговли рабами-африканцами.

Что касается остального населения, то на Кубе и в других колониях Америки только его верхушка — дети военных, чиновников, богатых креолов-помещиков и купцов — получала образование, да и то в религиозно-феодальном духе. «Идея средневекового порядка, — пишет мексиканский философ Леопольдо Сеа, — созданная схоластикой, навязывалась испано-американскому сознанию вместе с чувством уважения и подчинения церковно-монархическому порядку, олицетворяемому Испанией. Была создана педагогическая система с целью воспитать преданных испанской монархии людей, слепо верующих в оправдывающее ее кредо католической церкви. Святой престол внимательно наблюдал за тем, чтобы не вносились изменения в этот навязанный силой местному населению духовный порядок; такое подкрепленное силой «покровительство» породило большое количество

комплексов, от которых впоследствии будет страдать испано-американская жизнь»¹.

Испанские колонизаторы держали свои владения не только в строгой экономической, но и идейной изоляции от остального мира. Испанцам казался установленный ими в колониях порядок вечным и неизменным, в действительности же он был основан на противоречиях, расшатывавших его с момента возникновения. Против этого порядка боролись индейцы, против него восставали негры-рабы, ему сопротивлялись местные креолы, его постоянно нарушали извне соперники испанцев — французы, англичане, голландцы. Наконец, в самой Испании развитие производительных сил, хотя и замедленное, все же подтачивало устой феодально-абсолютистского режима. В результате в XVIII в. с приходом Бурбонов к власти в Испании, в особенности при Карле III, верх взяли сторонники просвещенного абсолютизма. Они несколько ослабили железные тиски колониального гнета, изгнали из метрополии и колоний орден иезуитов, ограничили деятельность инквизиции. В колониальные центры стали проникать книги великих «еретиков» — Эразма и Декарта, Локка и Гассенди, Вольтера и Гельвеция, будоража умы креолов и испанцев, искушая своим вольнодумством даже некоторых богословов и служителей инквизиции. В колониальных университетах, влачивших под наблюдением иезуитов на протяжении веков жалкое существование, стали раздаваться новые голоса, призывавшие к изучению американской действительности. Колониальное общество точно пробуждалось от глубокого сна: учреждались патриотические общества любителей родины, выходили первые газеты и журналы, первые научные труды, появились страстные проповедники просвещения.

Однако весна оказалась краткосрочной. Со смертью Карла III в Испании вновь взяли верх сторонники феодальной реакции, в колониях опять воцарились старые порядки, инквизиция стала привлекать к суду вольнодумцев и сторонников новшеств. Но никто и ничто уже не могло втиснуть в прежнее прокрустово ложе колониальной изоляции духовную жизнь жителей колоний в Америке. В испанских владениях были слышны отголоски боев, которые вели английские колонисты в Северной Америке, сражавшиеся за свободу, в испанские колонии доходили громовые раскаты французской революции. Старый мир, который католические короли Испании и Португалии и их духовные покровители — римские папы считали вечным и неизменным, доживал свои последние дни. Креольская верхушка, давно помышлявшая избавиться от удушающей опеки испанских колонизаторов, ждала только удобного случая, чтобы захватить власть в свои руки.

Час пробил, когда Наполеон послал свои войска оккупировать Испанию и Португалию. Испанская королевская семья была пленена французским императором, а члены португальского королевского дома бежали в Бразилию. Испанское правительство фактически перестало существовать. В колониях во многих местах власть захватили патриотические хунты. Началась освободительная война испанских колоний за независимость, длившаяся долгие пятнадцать лет (1810—1825 гг.) и завершившаяся победой патриотов над испанскими войсками.

Война проходила под лозунгами изгнания колонизаторов, провозглашения независимости, учреждения республиканского строя, установления демократических свобод, отмены рабства, феодальных привилегий и податей, раздела крупных латифундий, ликвидации расового неравенства и освобождения индейцев от гнета помещиков. Это была

¹ L. Zea, *The Arcana of Spanish-American Culture*, («Interrelations of Cultures»), UNESCO, Paris, 1955, стр. 281—282.

программа национальной революции, буржуазной по своему характеру. Ее поддерживали креолы, свободные крестьяне, негры и индейцы. Почти вся немногочисленная местная интеллигенция выступала против колонизаторов, за независимость.

В результате изгнания колонизаторов и завоевания независимости в большинстве стран Латинской Америки произошла культурная революция буржуазного типа: церковь была отделена от государства, церковники лишились своих особых прав и привилегий, была ликвидирована инквизиция и запрещена деятельность иезуитского ордена, секуляризованы кладбища, введены акты гражданской записи, в частности, гражданский брак, благотворительная деятельность изъята из-под контроля церкви и передана в ведение гражданских властей. Было изъято из рук церковников и образование — школы и университеты. В молодых республиках стали возникать различного типа просветительные и культурные учреждения, публичные библиотеки и читальни, литературно-художественные журналы и издательства, музеи, педагогические, художественные и музыкальные училища, научные лаборатории, ботанические сады и зоопарки, появились первые театры, стали зарождаться национальная литература, живопись, музыка, начали развиваться гуманитарные науки.

Тем не менее, война за независимость не вызвала глубоких социальных изменений. Латифундизм как был, так и остался основой экономики новых республик, а большинство демократических реформ, провозглашенных в период войны за независимость и в первые годы независимого существования, были отменены пришедшими к власти реакционными силами. В ряде республик были ликвидированы также важнейшие завоевания культурной революции: церкви были возвращены ее прежние права и привилегии, просвещение было вновь отдано ей на откуп и т. д.

На протяжении всего XIX века прогрессивные силы того времени — либеральная буржуазия, патриотически настроенные слои мелкой буржуазии, радикальная интеллигенция, первые организации трудящихся — продолжали бороться, правда, разрозненно и непоследовательно, за осуществление буржуазно-демократических реформ. Иногда эти силы получали перевес и захватывали власть (например, в период революции «реформы» во главе с Хуаресом и революции в 1910—1917 гг. в Мексике; в период Франсии и Лопесов в Парагвае, «федеральной войны» в Венесуэле, в период свержения Росаса в Аргентине, правительства Балмаседы в Чили, правления Батлье-и-Ордоњеса в Уругвае и т. д.). Однако и либеральная, и радикальная буржуазия, за немногими исключениями, проявила полную неспособность осуществить глубокие социальные реформы даже в своих собственных интересах. Революционным преобразованиям, как правило, она предпочитала компромисс с реакцией и церковью или же проявляла такую нерешительность и недальновидность, что реакции сравнительно легко удавалось лишить ее политической власти. Что же касается культуры и просвещения, то либералы в лучшем случае дальше культуртрегерства не шли. Многие из них преклонялись перед постановкой образования в США, выписывали американских специалистов, отдавая в их руки дело народного просвещения, но это не приносило пользы национальной культуре, ибо американские педагоги относились враждебно к патриотическим интересам латиноамериканских стран, прививали своим воспитанникам дух преклонения и раболепия перед США.

В результате в начале XX в. культура и просвещение продолжали оставаться недоступными широким трудящимся массам. В университе-

тах господствовали церковники и другие реакционеры. Просвещение, отмечал Хосе Карлос Мариатеги² в 1920-х гг., продолжает оставаться одним из самых наболевших вопросов культурного развития народа. Оно, как и в колониальный период, недоступно широким массам; просвещение пропитано колониальным и колонизаторским духом. Учебные программы отражают взгляды господствующих классов, в них индейцы трактуются как неполноценная раса³. Мариатеги одним из первых в Латинской Америке приходит к правильному выводу, что подлинную культурную революцию можно осуществить только в результате социальной революции. «Невозможно,— писал он,— демократизировать просвещение страны, не демократизировав ее экономику и тем самым ее политическую надстройку»⁴. Мариатеги указывал, в частности, что надежда буржуазных просветителей путем приобщения индейцев к грамоте улучшить их социальное положение является химерой. Неграмота, не образование в первую очередь освободят индейцев от кабалы помещиков, а ликвидация латифундий и отмена крепостной зависимости от помещиков. Мариатеги осуждал порочный метод отдачи на откуп национального просвещения иностранным специалистам. Он справедливо указывал, что реформу просвещения должны осуществлять люди, пользующиеся доверием народа, а иностранные специалисты могут привлекаться в качестве советников, но не в роли вершителей судеб национальной культуры.

Вторым крупным этапом после войны за независимость в развитии культуры стран Латинской Америки было революционное по своей идейной направленности движение «университетской реформы», зародившееся в университете аргентинского города Кордобы⁵ и охватившее в последующие годы все университеты Латинской Америки. Движение «университетской реформы» (1918 г.), совпало с общим революционным подъемом в странах Латинской Америки и в известной степени испытало на себе идейное влияние Великой Октябрьской социалистической революции. Зачинателями его были радикально настроенные студенческие вожаки. Первоначальная программа движения включала требования университетской автономии, демократизации («социализации») просвещения, участия студентов в управлении университетскими делами, замещения университетских должностей по конкурсу, изгнания из университетов реакционеров и церковников, укрепления связи университета с трудящимися путем учреждения народных университетов и т. д.

Движение «университетской реформы», получившее поддержку подавляющего большинства студенчества, вызвало яростное сопротивление правящих классов. Власти закрывали университеты, арестовывали, осуждали, ссылали, убивали студенческих деятелей, бросали против студенческих демонстраций полицию и войска. Правительственные репрессии объективно вынуждали студенческих лидеров сотрудничать с профсоюзами, левыми рабочими организациями, приводили их к коммунистическим партиям. Эти контакты расширяли политический кругозор студенческих масс и их вождей. «Только путем все возрастающего сотрудничества с рабочими профсоюзами,— отмечал Мариатеги,— путем опыта борьбы с консервативными силами и конкретной критики интересов и принципов, на которых основывается господствующий порядок,

² Хосе Карлос Мариатеги — выдающийся латиноамериканский марксист, один из основателей перуанской компартии.

³ José Carlos Mariátegui, 7 Ensayos de interpretación de la realidad peruana, Lima, 1957, стр. 91.

⁴ Там же, стр. 102.

⁵ Это событие получило, на наш взгляд, совершенно недостаточное освещение в книге «Очерки истории Аргентины» (М., 1961, стр. 293—294).

мог университетский авангард заручиться ясной идеологической ориентацией»⁶.

Коммунисты, профсоюзы, прогрессивно настроенные буржуазные деятели оказывали поддержку движению за университетскую реформу, вокруг которого образовался широкий единый фронт прогрессивных сил, что заставило власти в ряде стран пойти на уступки, согласиться с некоторыми требованиями студенчества.

Достигнутые результаты не удовлетворяли наиболее прогрессивно настроенных студенческих лидеров, ожидавших, что проведение университетской реформы будет способствовать решению основных социальных вопросов. Этого, однако, не случилось даже там, где, как например в Аргентине, студенты добились осуществления своих основных требований.

Тем не менее движение «университетской реформы» отнюдь не было бесплодным. Студенческие организации стали играть активную роль в политической жизни, они сблизились с революционным рабочим движением, подверглись его влиянию, многие студенческие лидеры перешли на сторону рабочего класса, вступили в ряды коммунистических партий. Все это способствовало радикализации, полевению интеллигенции, связало ее более тесными узами с национально-освободительным движением. Многие видные мелкобуржуазные лидеры движения «университетской реформы» стали сознавать, что единство средних слоев с трудящимися в борьбе с реакционными силами может позволить реализовать важные социальные преобразования. Так, один из лидеров реформистского движения в Аргентине Хулио В. Гонсалес писал: «В день, когда пролетарии, учителя и студенты объединятся, будут созданы условия для обновления социальных ценностей»⁷.

Наиболее отчетливо проявилось влияние идеологии рабочего класса в заявлении левого крыла (группировка Ла-Платы) движения за университетскую реформу в Аргентине, опубликованном в 1925 г., в котором говорилось: «1. Проблема образования — одна из фаз социальной проблемы, поэтому ее нельзя решить изолированно. 2. Культура каждого общества — это идеологическое выражение интересов господствующих классов. Культура современного общества, таким образом, является идеологическим выражением интересов капиталистического класса. 3. Последняя империалистическая война, разрушившая равновесие буржуазной экономики, вызвала кризис буржуазной культуры. 4. Этот кризис может быть разрешен только с победой социалистической культуры»⁸.

В этой декларации, полной протеста против господствующей реакционной буржуазной культуры, отсутствует ленинское понимание культуры (о двух культурах — социалистической и буржуазной — в каждой национальной культуре). Это неспроста, так как сознательным, революционно настроенным кругам интеллигенции в тот период была присуща известная доля мелкобуржуазного сектантства, что сказалось, в частности, в отрицательном отношении к культуре буржуазного общества вообще.

Движение за университетскую реформу пробудило широкие круги студенческой молодежи и интеллигенции к политической деятельности, заинтересовало их проблемами социализма и коммунизма, социалистического строительства в Советском Союзе, породило в них желание

⁶ José Carlos Mariátegui, Указ. паб., стр. 106.

⁷ Julio V. González, *Le Reforma Universitaria*, Buenos Aires, 1927, стр. 70.

⁸ José Carlos Mariátegui, Указ. паб., стр. 130.

бороться с империализмом. Во второй половине 1920-х гг. передовая интеллигенция участвует в движении антиимпериалистических лиг, охватившем всю Латинскую Америку, выступает в защиту геройских никарагуанских партизан, боровшихся во главе с Сандино против американских интервентов, осуждает агрессивную политику империализма США по отношению к Латинской Америке. Эти настроения отражаются также в художественной литературе, где утверждается социальный роман, разоблачающий преступления империалистов и действующих с ними заодно помещиков и реакционную буржуазию.

В 1930-х гг. Латинскую Америку охватывает движение «народного фронта» против фашизма, империализма, опасности новой войны, за аграрную народную антиимпериалистическую революцию. В ряде республик в эти годы передовая интеллигенция создает свои профессиональные организации, начинает издавать свои журналы. В этот период крупнейшие деятели культуры переходят на позиции марксизма, как, например, аргентинский социолог Анибаль Понсе, чилийский поэт Пабло Неруда, бразильский писатель Жоржи Амаду, кубинские поэты и писатели Николас Гильен и Хуан Маринельо, венесуэльский поэт Карлос Аугусто Леон и многие другие.

1940-е гг. проходят под знаком борьбы против фашизма, под знаком солидарности с Советским Союзом и другими участниками антифашистской коалиции.

В конце 1940-х — 1950-е гг. передовая интеллигенция стран Латинской Америки выступает против «холодной войны», маккартизма, злобной антикоммунистической истерии, раздуваемой пропагандистами американского империализма, против угрозы атомной войны, в защиту национальной культуры, суверенитета, независимости.

Наконец, 1950-е годы — годы борьбы против империалистического гнета, против душителей свободной Гватемалы, в защиту кубинской революции, одерживающей историческую победу. Для этого периода характерны созывы больших национальных и континентальных конгрессов в защиту национальной культуры, за мир во всем мире, за освобождение стран Латинской Америки от империалистического гнета США.

* * *

За сорок с лишним лет, прошедших от начала движения за университетскую реформу до наших дней, в странах Латинской Америки произошли большие изменения в области культуры. Несравнимо укрепилась прогрессивная, подлинно национальная культура во всех странах Латинской Америки. Можно сказать, не боясь ошибиться, что сегодня наиболее талантливые представители латиноамериканской интеллигенции — писатели, художники, музыканты, архитекторы, кинематографисты, ученые стоят на прогрессивных позициях, выступают за национальное освобождение, мир, в защиту революционной Кубы, с глубокой симпатией относятся к Советскому Союзу и другим социалистическим странам.

В результате полувековой борьбы с реакцией передовая латиноамериканская интеллигенция достигла большой идеологической зрелости. Она уже знает, что путем, ведущим к процветанию родины, к расцвету национальной культуры, является антифеодалная народная антиимпериалистическая революция, которую осуществит рабочий класс в тесном содружестве с крестьянством, передовой интеллигенцией, мелкой буржуазией.

Передовая интеллигенция сильна в области литературы и искусства, она пользуется влиянием в некоторых университетах, ее голос слышен в печати, однако в государственном аппарате ключевые позиции продолжают оставаться в руках представителей реакции, клерикалов, сторонников «западной цивилизации», поклонников испанского диктатора Франко, агентов империализма США, людей, находящихся на службе американского пропагандистского ведомства ЮСИА. Эти люди определяют официальную политику в области культуры, пропитанную ненавистью ко всему прогрессивному. Неудивительно, что официальная культура в странах Латинской Америки находится в состоянии глубокого кризиса, маразма. Это признают, об этом пишут многие видные представители латиноамериканской культуры.

Так, в Аргентине господство олигархии, реакционной военщины и проимпериалистической буржуазии приводит страну, как с беспокойством отмечает видный публицист и писатель этой страны Гектор П. Агости, к подлинной «культурной денационализации»⁹.

Другой аргентинский писатель Эрнесто Сабато, выступая в журнале «Марча», указывает, что власти преследуют прогрессивных деятелей литературы и искусства, закрывают литературные журналы, выступающие в защиту национальной независимости. В то время, когда хорошие произведения запрещаются, книжные киоски тоннами продают «гангстерскую литературу», а телевизионные приемники распространяют тысячи телефильмов, пропагандирующих юношескую преступность. «Эти фильмы, разумеется, разрешены к демонстрации,— с горечью пишет Сабато,— ибо страна, где их изготовляют, является ныне оплотом „западного духа“».

Сабато осуждает тех буржуазных деятелей культуры, которые, следуя подсказке Вашингтона, выступают из якобы «гуманных» побуждений против кубинской революции, в то время как эти же поборники «гуманизма» ни разу не возвысили голоса протеста против кровавых злодеяний Батисты, Трухильо и других ставленников американского империализма.

В незавидном положении находится интеллигенция и в Уругвае, стране со старыми демократическими традициями. В этой республике, отмечает уругвайский писатель Альфредо Гравина, артисты, научные работники, писатели лишены какой-либо официальной поддержки, а их просьбы к властям наталкиваются на глухую стену молчания и враждебности. Для примера можно сказать, что до сих пор еще не готов читальный зал в новом здании Национальной библиотеки, которая начала строиться двадцать лет назад; уже 15 лет закрыт Национальный музей изящных искусств по причине ... ремонта.

Передовая интеллигенция Уругвая борется за прогресс и независимость своей родины. «Интеллигенция,— заявляет Гравина,— не отделяется от этой драмы народа. Отрывая время от сна, отдыха, семьи и друзей, интеллигенция умножает свои усилия, чтобы противостоять обскурантизму империалистов. Учителя борются за демократизацию обучения, за строительство новых школ, против „комиксов“ и других отбросов американского литературного импорта. То же делают работники театра, главным образом независимых театров (любителей). Во всех отраслях культурного фронта имеются решительные люди, готовые спасти честь своей родины, сотрудничая совместно в строительстве новой жизни. Организованный рабочий класс — главная опора в борьбе за прогресс и национальную независимость — поддерживает деятельность интеллигенции. Мы верим в будущее».

⁹ Hector P. Agosti, *Nación y cultura*, Buenos Aires, 1961, стр. 80.

Прогрессивные писатели в странах Латинской Америки живут и работают в исключительно тяжелых условиях. Это объясняется тем, указывает Гравина, что прогрессивный писатель не только бичует в своих произведениях социальное зло, выражает антиимпериалистические настроения, показывает классовую борьбу, но повседневно сам участвует в борьбе за демократические права и свободу своего народа. Этим он и навлекает на себя гнев реакции. Для последней такой литератор более опасен, чем агитатор: через литературу он выступает реформатором сознания, через ту самую литературу, которая ускользает из-под влияния сильных мира сего и которую реакция хотела бы лишить идейности, благородных чувств и пролетарского гуманизма, присущих в настоящее время в большей или меньшей степени прогрессивным произведениям литературы любой латиноамериканской страны.

«Передовых деятелей культуры,— пишет Гравина,— преследует несправедливость, она и ранит, и заключает в тюрьмы и, если может, убивает... Вспомним, что великий чилийский поэт Пабло Неруда пересек высочайшие Кордильеры (он пробирался верхом!), спасаясь от гнева предателя Гонсалеса Виделы. Парагвайские писатели Рауль Роа Вастос и Эльвио Ромеро живут долгие годы в изгнании: кровавая диктатура, царящая в их стране, грозит им расправой. Гватемалец Мигель Анхель Астуриас выслан из страны. Аргентинцы Альфредо Варела и Гектор П. Агости совсем недавно приговорены к одному году тюремного заключения. Николас Гильен долгие годы находился на чужбине во время тирании Батисты. Лишь кубинская революция открыла ему путь на родину. Чилийский писатель Володя Тейтельбойм был брошен в концентрационный лагерь Писагуа...

В Латинской Америке нет прогрессивного писателя, который не имел бы дела с полицией, не страдал бы от произвола и дурного обращения как у себя на родине, так и во время поездок по другим странам нашего района»¹⁰.

Интеллектуальный труд ценится правящими классами Латинской Америки очень низко, а литературный — особенно. Во всех латиноамериканских странах с трудом найдется несколько писателей, живущих своим литературным трудом. «Истинные причины такого положения,— с горечью отмечает Гравина,— вообще характерного для культуры Латинской Америки, за исключением сегодняшней революционной Кубы, объясняются полукOLONиальным положением наших стран, односторонностью их хозяйственного развития, где господствуют латифундии и империалистическая эксплуатация. Сто миллионов голодающих и семьдесят миллионов неграмотных из двухсотмиллионного населения не могут быть потребителями культурных ценностей. Почти во всех наших странах полиграфическая промышленность — там, где она существует,— немоощна. И это опять-таки связано со слабым развитием экономики...»¹¹.

Удушающее влияние американских монополий, констатирует автор, сказывается на всех отраслях культурной жизни Латинской Америки. Латиноамериканские певцы, музыканты, композиторы зависят от иностранных монополистических компаний, издающих граммпластинки и магнитофонные записи. Для этих компаний латиноамериканские деятели культуры — такие же рабы, как и рабочие банановых и сахарных плантаций. Хотя композиторы и имеют «издательские права» на свои

¹⁰ «Известия», 14 августа 1961 г.

¹¹ Там же.

произведения, их права ничтожно малы по сравнению с властью американских монополий.

Основной компанией, уже давно эксплуатирующей музыку Латинской Америки, является «Саут мьюзик компани». Эта компания, с главной конторой в Нью-Йорке, имеет филиалы почти во всех латиноамериканских странах. В том же направлении действует и «Моро мьюзик компани». Система, применяемая этими компаниями, привела к полной монополизации музыкальной жизни Латинской Америки. Композитор, подписывающий контракт с американской компанией, полностью теряет свои права и получает в результате жалкие гроши. С этого момента компания монопольно распоряжается музыкальным производством. Это позволяет компаниям держать в подчинении композиторов, препятствовать распространению тех народных музыкальных произведений, которые выражают протест против капиталистической эксплуатации, и наводнять Латинскую Америку низкопробными космополитическими «творениями».

В не менее тяжелом состоянии находятся киноискусство и кинопромышленность стран Латинской Америки. Свыше 70 процентов демонстрируемых в этих странах фильмов сделаны в США. Кинопромышленность сравнительно развита только в Аргентине и Мексике, да и в этих странах она в значительной степени зависит от американских монополий. В таких больших странах, как Бразилия, Чили, Венесуэла, Колумбия национальное кино делает только первые шаги. Пример Кубы показывает, что причина кроется в губительном влиянии иностранных монополий. Ведь как только Куба освободилась от их «опеки», в стране стало бурно развиваться национальное кино.

* * *

Удручающе обстоят дела и в области просвещения в странах Латинской Америки. Несмотря на 150-летнее независимое существование, несмотря на то, что в прошлом не было такого правительства, которое не обещало бы способствовать распространению грамоты среди населения, несмотря на отсутствие войн, до сих пор Латинская Америка — один из наиболее отсталых районов в этом отношении.

Поистине трагические факты выявились на состоявшейся по инициативе ЮНЕСКО и СЕПАЛ в марте 1962 г. в Сантьяго (Чили) конференции по вопросам просвещения и экономического и социального развития стран Латинской Америки. 40 процентов населения всей Латинской Америки — 70—80 миллионов человек — неграмотно. Уровень образования остальной части населения в среднем равен двум годам начальной школы. Более 15 млн. детей не учатся в школах; из 26 млн. детей, поступающих в начальные школы, только 15% оканчивают их; среднюю школу оканчивают 22%, университетское образование получают только 4% обучающихся. Из 86 млн. детей, не достигших 15-летнего возраста, лишь один процент может надеяться на получение университетского образования¹².

По данным за 1947—1950 гг. в странах Латинской Америки имелось 153 868 начальных школ и 432 651 учитель — меньше половины того, что требовалось бы для введения всеобщего начального образования (не хватает 195 477 школ и 462 339 учителей)¹³.

Ожидается, что в ближайшие 25 лет население стран Латинской Америки увеличится на 65 млн. человек; большинство из них, если не

¹² «Noticias de Hoy», 21 марта 1961 г.

¹³ Cesar Godoy Urrutia, Educación y política, Santiago de Chile, 1959, стр. 93.

произойдут в странах серьезные социальные изменения, останутся неграмотными.

Экономическое развитие стран Латинской Америки требует техников, экономистов, строителей — рабочих и квалифицированных специалистов. Но их нет, и при господствующей системе просвещения нет никаких надежд на то, что такие кадры будут созданы в ближайшие годы¹⁴.

Необходимо увеличить расходы на просвещение. В настоящее время Колумбия расходует на просвещение 0,7% своего национального дохода, Венесуэла — 1,3%, Чили — 3,6%, в то время как США — 5,2%.

Говоря о характере просвещения, нельзя не отметить, что в последние десятилетия светская школа почти повсеместно отстывает в Латинской Америке, сдавая одну за другой свои позиции клерикалам. Мексика, Чили, Аргентина, Уругвай, Эквадор — страны, в которых церковь отделена от государства, которые известны были своими светскими традициями, превратились в последние годы в подлинный рай для клерикалов. В этих странах церковники не только обладают широкой сетью так называемых «частных» учебных заведений, в том числе университетского типа, но и оказывают все возрастающее влияние на государственные школы, которые зачастую вынуждены пользоваться, ввиду отсутствия собственных учебников, текстами, подготовленными церковниками.

О том, какое влияние оказывает церковь в некоторых странах, показывает пример Чили, где в 1958 г. 31,6% всех начальных школ и 43,9% средних учебных заведений были подчинены церковникам, имевшим, кроме того, под своим контролем несколько университетов¹⁵.

В Уругвае, где по самым оптимистическим подсчетам 25% населения неграмотны, в 1935 г. 1/8 всех школ находилась в руках церковников, а в 1960 г. их было уже 1/4¹⁶. Церковники стремятся подчинить своему влиянию университетское образование. «В последнее время, — писал в 1961 г. Альфредо Гравина, — реакционные слои предприняли шаги к созданию частного университета. В этом очень заинтересованы клерикальные круги и американский империализм. Последний уже наложил свою руку на различные научные исследования, а теперь пытается навязать свои антинаучные и маккартистские методы всей системе просвещения. Дело в том, что в 1958 г. в результате длительной и упорной борьбы студенчества, поддержанной организованным рабочим классом, интеллигенцией и народом, республиканский университет добился автономии. По новому уставу университет должен готовить кадры специалистов, способных решать проблемы национального развития. Этот устав не понравился империалистам и местной олигархии. Разве нам не нужны специалисты, воспитанные в демократическом духе, сторонники проведения аграрной реформы и индустриализации страны, специалисты, способные доказать, что широкая торговля со всеми странами мира является актом подлинного национального суверенитета? Конечно, да! Но элементы, связанные с полицейским аппаратом, и самые продажные личности начали чинить всяческие препятствия проведению в жизнь нового университетского устава. Высшее духовенство и империалистические круги рекламируют проект создания частного университета, надеясь, что он будет выпускать полностью американизированных специалистов, готовых поста-

¹⁴ A. Baltra Cortes, Crecimiento economico de America Latina. Problemas fundamentales, 3 ed., Santiago de Chile, 1961, стр. 84—85.

¹⁵ Cesar Godoy Urrutia, Указ. раб., стр. 75.

¹⁶ B. Jorge A. Bruno, La edificación de escuelas, un tema apasionante de nuestros dias, «Estudios», № 15—16, июль 1960 г., стр. 76.

вить свои „знания“ на службу латифундистам, монополистическому капиталу и создать мощную реакционную преграду на пути культурного прогресса».

Более подробное ознакомление с положением в области просвещения в отдельных странах Латинской Америки показывает, что образование продолжает в большей или меньшей степени оставаться привилегией господствующих классов.

В Аргентине, где начальное образование обязательное и бесплатное, по данным переписи 1947 г. было 13,6% неграмотных. Грамотными считались все те, кто посещал когда-либо начальную школу. Однако, как показывают данные той же переписи, из 1000 детей, поступивших в начальную школу, заканчивали ее только 226¹⁷. Таким образом, более 75% всех числящихся грамотными фактически полуграмотны. На конференции в Сантьяго аргентинский делегат Моккай признал, что официальная радужная картина грамотности не отражает подлинного положения в области образования¹⁸.

Еще хуже положение в Чили, где по официальным данным — 19,8% неграмотных, а фактически, как указывает бывший министр экономики этой страны Альберто Бальтра Кортес, — 40%¹⁹. В Чили также из каждой тысячи учеников начальной школы только 200 человек заканчивают ее.

В Колумбии та же картина. В 1951 г. 42% всего населения, или 4 907 тыс., было неграмотным. Шесть лет спустя число неграмотных выросло почти на миллион и равнялось 5 904 тыс. человек.

В 1951 г. 90% сельских начальных школ в Колумбии имело всего двухгодичное обучение, причем 94,4% учащихся не возвращалось в школу после первого года. Только 16,4% всех начальных школ имели полный пятилетний курс обучения²⁰. В 1959 г. в стране не хватало свыше 46 тыс. учителей, 45 тыс. классных комнат. Участник конференции в Сантьяго делегат Колумбии Наранхо Вильегас признал, что 600 тыс. детей школьного возраста в его стране не могут учиться из-за отсутствия необходимого числа школьных помещений²¹.

Предшкольное общепринятое подготовительное образование в Колумбии находится в руках частных дельцов (24 государственных учреждения и 927 частных в 1958 г.) и доступно только господствующим классам. Учителя государственных школ плохо оплачиваются, в среднем они работают всего 4 года, а затем вынуждены менять профессию.

Средняя школа также находится в руках частных и церковников, которые монополизируют воспитание местной „элиты“ — из 970 средних учебных заведений в 1959 г. было 218 государственных и 752 частных.

14 из 23 университетов страны находятся под контролем частных дельцов и церковников. В стране одно высшее техническое учебное заведение — Государственный индустриальный (политехнический) университет в Букараманге. В противовес ему создан Андский университет, контролируемый местными капиталистами и американскими монополиями.

Клерикальная реакция и американская агентура пытаются овладеть единственным в стране подлинно прогрессивным высшим учеб-

¹⁷ Hector P. Agosti, Указ. раб., стр. 95—96.

¹⁸ «Noticias de Hoy», 8 марта 1962 г.

¹⁹ A. Baltra Cortes, Указ. раб., стр. 86.

²⁰ Diego Montaña Cuellar, La colonización imperialista de la cultura colombiana, Bogota, 1961, стр. 5.

²¹ «Noticias de Hoy», 8 марта 1962 г.

ным заведением — Свободным университетом, основанным в 1920-х гг. К нему примыкают педагогический вуз, женский институт и несколько колледжей (средних учебных заведений).

В Эквадоре, где 47% всего населения составляют неграмотные, правительство издало в 1963 г. декрет о проведении кампании по ликвидации неграмотности. Такие декреты издавались правительством и раньше. Ученикам средних школ выдаются дипломы только при условии, что они обучат хотя одного человека грамоте. Однако, как рассказывали автору эквадорские студенты из Университета Дружбы народов им. П. Лумумбы, найти желающих обучаться грамоте не легко. Многие отказываются учиться, считая, что это бесполезная трата времени. При господствующих порядках в Эквадоре грамотному человеку столь же трудно получить работу, как и неграмотному. Другие же быстро забывают выученное, так как за неимением средств не могут покупать газеты или книги, заниматься самообразованием.

В Перу перепись 1940 г. показала 80% неграмотных в городах и 95% в сельских районах. Один перуанский журнал писал, что не следует слишком огорчаться из-за этого: Перу вовсе не исключение, ведь Южная Америка является «континентом неграмотных»²².

В 1963 г. департамент образования Перу сообщил, что 230 тыс. детей (или 40% всех детей школьного возраста, не считая детей индейцев, которых официальная статистика не учитывала) не смогут поступить в школу из-за отсутствия соответствующего числа школьных зданий и учителей.

В Мексике, где по сравнению с другими латиноамериканскими странами в результате революции 1910—1917 гг. произошли наибольшие изменения в области культуры, в 1950 г. из 6,2 млн. детей школьного возраста посещало начальную школу только 3 млн., заканчивало же ее только 25% этого числа²³.

Еще более разительный контраст с достижениями кубинской революции в области культурного строительства представляют центральные американские республики. Президенты этих республик — марионетки американского империализма, собравшиеся на встрече в Сан-Хосе с президентом США Кеннеди в марте 1963 г., вынуждены были признать в своей декларации, что 53% населения этого района неграмотно.

Американский профессор Гарвей Кесслер Мейер указывает, что церковники пользуются большим влиянием на просвещение в странах Центральной Америки. Он же обращает внимание на следующие особенности: хотя начальное образование формально является всеобщим и обязательным, в действительности его получает только «элита», отсутствуют художественные школы, техническое и профессиональное образование находится на крайне низком уровне. Например, в медицинских школах отсутствуют даже микроскопы²⁴. К этому следует добавить, что университетские преподаватели и студенты, выступающие за демократические преобразования, подвергаются жесточайшим преследованиям.

Наиболее развитой в культурном отношении из стран Центральной Америки считается Коста-Рика. Ее буржуазные правители не без хвастовства утверждают, что в республике больше учителей, чем солдат. Каково же в действительности положение в области образования в этой «просвещенной» республике?

²² «Revista Peruana de Educación», Lima, 10 ноября 1940 г., стр. 17.

²³ Jesualdo, Porque esta en crisis la educación en América, «Estudios», № 12, сентябрь 1959 г., стр. 158.

²⁴ Harvey Kessler Meyer, Church and school in Central America, в кн. «The Caribbean: the Central American area», ed. by A. Curtis Wilgus, т. XI, Gainesville, 1961, стр. 198—199.

По данным, публикуемым уже цитированным нами Кесслером Мейером, в начальных школах Коста-Рики в 1959 г. училось в первом классе 58 143 ученика, во втором — 42 673, в третьем — 33 103, в четвертом — 24 519, в пятом — 17 913, в шестом — 13 007. Первый класс средней школы посещало 4040 учеников, а последний — пятый класс — 2423. Так обстоят дела со «сплошной» грамотностью в Коста-Рике. Еще хуже в других республиках Центральной Америки. Например, в Никарагуа в 1956 г. поступило в начальные школы 50 тыс. учеников, а закончило средние школы (их в стране 120) в том же году всего 388 учащихся²⁵.

С какой целью, для чего воспитывается молодое поколение, задает вопрос бывший президент Панама Карлос Аросемена Ариас в своей статье о проблемах образования в этой стране, и откровенно признается, что не в состоянии дать ясный ответ. Школа не готовит учащихся к жизни, к борьбе за существование, пишет Аросемена, отсюда кризис в области просвещения, который приобретает политическую окраску, ибо вызывает недовольство и разочарование в средних слоях общества. «Если молодой человек или женщина, — подчеркивает автор, — не могут завоевать себе достойное место в жизни, то они, естественно, винят в этом „систему“ ...»²⁶. Аросемена скромно умалчивает о том, какой характер носит эта система, но любому читателю понятно, что речь идет о системе нищеты и произвола, господствующей в Панаме в результате хозяйничанья американских империалистов.

Мы говорили о маленьких странах, о нескольких республиках, в которых командует «Юнайтед Фрут Компани», но положение обстоит не лучше и в самой крупной латиноамериканской стране — Бразилии.

Хотя расходы на образование постоянно увеличиваются (в 1955 г. бюджет Министерства народного просвещения составил 300 млн. крузейро, а в 1959 г. — 2 млрд. крузейро), общее число неграмотных не только не уменьшается, но растет. В 1950 г. из людей старше 14 лет было неграмотными 50,5%, а в 1960 г. — 53,2%²⁷. В 1961 г. не хватало школьных помещений для 4 млн. детей. Средние школы могли посещать не больше 10% детей соответствующего возраста. Большое влияние на школу оказывает церковь²⁸.

В области просвещения бразильское государство служит интересам отжившего социального порядка, пишет известный бразильский педагог Мария Тетис Нуньес²⁹. «Экономическое развитие страны, ее будущее требуют кардинально реформировать систему образования, однако попытки реформ, — отмечает видный деятель просвещения Кардозо, — встречаются в штыки наиболее реакционными церковниками, латифундистами, мелкой буржуазией, связанной с семьями богачей»³⁰.

Разумеется, основные причины отставания стран Латинской Америки в области просвещения — социальные, они заключаются в господстве империализма, латифундистов и реакционной буржуазии.

Бедственное положение крестьян, являющихся в первую очередь жертвами помещичьей и империалистической эксплуатации, вынуждает их не посылать детей в школу или отзывать их, ибо учеба — это роскошь, которую не может себе позволить для своих детей босой и голод-

²⁵ Harvey Kessler Meyer, Указ. раб., стр. 199.

²⁶ Там же, стр. 120.

²⁷ «L'Unita», 27 марта 1962 г.

²⁸ Руй Факс, Бразилия XX столетия, М., 1962, стр. 282—283.

²⁹ Maria Tetis Nunes, Ensino Secundario e Sociedade Brasileira, Rio de Janeiro, 1963, стр. 63.

³⁰ Fernando Henrique Cardoso, Educação e desenvolvimento economico, «Revista Brasileira», São Paulo, № 17, май — июнь 1958 г., стр. 73—74.

ный пеон, издольщик или мелкий крестьянин. «Нельзя учиться,— писал бразильский исследователь коммунист Руй Фако,— будучи голодным и разутым, живя в жалких лачугах, не имея возможности приобрести дорогостоящие учебники, а тем более платить за обучение в школах, остающихся пока своего рода торговыми домами. Да и едва ли захочется получать образование, едва ли можно чувствовать потребность в нем, находясь в нечеловеческих условиях существования, особенно в сельскохозяйственных районах, где латифундизм душит все окружающее»³¹.

На связь уровня образования с экономикой, с проблемой земли указывают не только революционные, но либеральные и даже консервативные деятели. Еще мексиканский президент Бенито Хуарес (1806—1872) отмечал, что человек, который не может прокормить свою семью, видит в образовании своих детей весьма отдаленное благо и как бы препятствие для добычи ежедневного пропитания, а сто лет спустя чилийская поэтесса Габриэла Мистраль писала: «Нельзя решить проблеме образования, не решив одновременно аграрную проблему»³². В свою очередь, один из лидеров консервативной партии Колумбии Белисарио Бетанкурт признает, что наибольшее число неграмотных — в зонах, где преобладает латифундизм³³.

О тесной связи уровня образования с экономическим положением родителей говорят также данные по провинции Сантьяго, опубликованные Институтом социологии Чилийского университета. Согласно этим данным, из каждых 100 детей, поступающих в начальную школу и принадлежащих к семьям с низким доходом, заканчивают школу 28 и поступают в среднюю только 14. В то же время из каждых 100 детей, принадлежащих к семьям с высоким доходом, начальную школу заканчивают 80, а учебу в средней школе продолжают 73³⁴.

В некоторых случаях, когда образование распространяется в районах сплошной нищеты без попыток улучшить экономическое положение местного населения, оно просто не оставляет каких-либо следов. О таком случае рассказывает чиновник ЮНЕСКО Гонсало Рубио, посетивший в индейском селении Викос (Перу) существующую там 10 лет экспериментальную школу, над которой шефствует Корнуэльский университет (США): «Чрезвычайно странным оказался результат исследований о культурном уровне населения в этом районе: стопроцентная неграмотность всех возрастов. Ни один из жителей селения Викос, молодых или взрослых, не умел читать или писать, несмотря на наличие в течение 10 лет школы, несмотря на расходы на содержание постоянно присутствующего здесь учителя»³⁵.

ЮНЕСКО подсчитано, что для того, чтобы сделать начальное обучение в Латинской Америке всеобщим, понадобятся 10 лет и 34 523 млн. долларов³⁶. Откуда взять такую огромную сумму? Может быть, напуганные призраком кубинской революции, расщедятся янки и помогут? Да, правительство США обещает помочь: 150 млн. долларов на нужды просвещения в год по линии «Союза ради прогресса» на все латиноамериканские республики³⁷. Народы Латинской Америки могут судить, не является ли обещание такой помощи со стороны США, выколачиваю-

³¹ Руй Фако, Указ. раб., стр. 284.

³² Cesar Godoy Urrutia, Указ. раб., стр. 95—96.

³³ Belisario Betancourt, Colombia-cara a cara, Bogota, 1961, стр. 105.

³⁴ A. Baltra Cortes, Указ. раб., стр. 87.

³⁵ Gonzalo Rubio, Promociones Indigenas en America, Quito, 1957, стр. 254.

³⁶ «Noticias de Hoy», 14 марта 1962 г.

³⁷ «Bohemia», 30 марта 1962 г., стр. 55.

щих из этого района 2 млрд. долларов прибыли в год, издевательством над их нуждами. Однако деньги и средства для ликвидации неграмотности в Латинской Америке есть, и пример революционной Кубы показывает, где их найти. После свержения Батисты революционное правительство увеличило годовой бюджет министерства просвещения на 200 млн. долларов. В Сантьяго кубинские делегаты предложили установить налоги на доходы иностранных монополий и полученные таким образом средства обратить на нужды просвещения. Представители других республик не решились принять кубинское предложение, но народы Латинской Америки уже знают: средства найдутся, если обуздать американских монополистов, помещиков, эксплуататоров.

«День за днем,— говорил колумбийский учитель Мануэль Сепеда, участник Латиноамериканского конгресса солидарности с Кубой, состоявшегося в г. Нитерой в марте 1963 г.,— пропаганда Соединенных Штатов пытается убедить нас: «Куба уже не часть Латинской Америки», «она порвала с традициями континента...». О каких традициях трактуют янки? О традиции рождаться в хижинах, расти без учебы, работать всю жизнь без отдыха и нищим умереть под забором? На моей родине 80 процентов крестьян вообще не имеют земли! Да, Куба порвала с этими «традициями». Ее революция дала землю крестьянину, школу — подростку, достоинство — каждому кубинцу. И потому Куба уже даже не просто часть Латинской Америки, она — ее сердце»³⁸.

Достижения революционной Кубы в области культурного строительства³⁹ вызывают чувства радости и надежды у всех народов Латинской Америки.

Революционная Куба показывает, что можно избавиться от вековой отсталости, невежества и нищеты, но не с помощью жалких подачек американских империалистов, а освобождая народ от их удушающего гнета, ибо, как сказал Фидель Кастро, подводя итоги кампании по ликвидации неграмотности: «Только революции способны осуществить такие великие дела».

SUMMARY

For several centuries after the establishment of Spanish colonial rule the peoples of Latin America had no access to the achievements of world culture. The progress of education during the 1810-1825 revolutions was short-lived. Reaction set in, the influence of the landowners and the church was enhanced.

Bourgeois-democratic reforms in the field of education were not consistently carried through. The plight of the indigenous population, the Indians, was especially serious. It was only in the 20th century, with the inauguration of the «university reform» movement, that the Latin American educators, supported by the people, were able to put into practice plans for all-round cultural development. Yet to this day the majority of the Latin Americans cannot receive even elementary education. This is connected with the people's low living standards. The progressive educators of Latin America are coming to the conclusion that a comprehensive socialization of education is impossible without an anti-feudal, anti-imperialist people's revolution. The finest representatives of Latin American intelligentsia are fighting for their countries' progress and independence.

Revolutionary Cuba is a graphic example for all Latin American countries. Cuba's experience shows how the peoples of Latin America can overcome their retardation and build up truly national culture.

³⁸ «Правда», 31 марта 1963 г.

³⁹ Подробнее о достижениях революционной Кубы в области культуры и просвещения см.: «Пять лет кубинской революции», М., 1964.